

фото Андрея Струнина

Елена Маяковская:

Своими слезами я искупила грехи отца

В июле — к 110-летию со дня рождения Владимира Маяковского — в России побывала Патриция Томпсон, она же Елена Владимировна Маяковская, американская дочь поэта. Хелен-Патриции уже 77, но пройти мимо нее просто невозможно — огромный рост и мощная энергетика, унаследованные от отца, не позволяют.

«Знакомясь с девушками, говорил, что женат»

— Елена Владимировна, как же так получилось, что вы не говорите по-русски? По-моему, слов «Да! Нет! Пожалуйста! О, ужас!» маловато для общения с нашим народом.

— Да. Я это понимаю. Но что поделать, не знаю я языка. И в этом сама, конечно, виновата. Мама выбивалась из сил, чтобы дать мне образование, она мно-

го работала. Пыталась учить меня русскому, настаивала — но я отказывалась наотрез, меня долго мучила обида на отца.

— Но сейчас-то вы простили его. Вот и свою книгу новую — «Маяковский на Манхеттене», посвященную бурному роману родителей, привезли. В ее основе — рассказы вашей матери?

— Шесть магнитофонных кассет: наши с ней беседы об отце, записанные в 1985 году, незадолго до ее смерти. Плюс воспоминания людей, друживших с родителями, знавших историю их любви.

— Действительно много новых фактов?

— Конечно. Хотя бы встреча Элли с Владимиром — это случилось на ве-

черинке у друзей. По-видимому, отец сразу положил глаз на маму, но репутация сердцееда ее настораживала. Тем более Маяковский громко и ясно заявлял, что женат, подразумевая Лилу Брик. Говорил про жену, однако настойчиво спрашивал телефон — интригующий ход! Мама старалась не оставаться с ним один на один, хотя чувства переполняли: в первый же вечер она от волнения даже упала в обморок... А потом роман взорвал ее жизнь: они с отцом поселились вместе и не расставались все время его пребывания в Америке. Когда полвека спустя я спросила ее, почему она помнит все детали той встречи, она ответила: «Ведь это было самым главным в моей жизни!» Остались письма отца к матери, полные любви, остались портреты Элли, сделанные Маяковским. Когда отец

вместе. Сразу после моего рождения, в 1926-м, состоялся развод. Господин Джонс поступил благородно: понимая, насколько важна для Элли американская виза, не стал травить бывшую жену, «подарил» мне свою фамилию. Позже, выйдя замуж, я сменила ее на Томпсон, а от двойного имени Хелен-Патриция принципиально оставила только вторую часть...

«Лила Брик уничтожила все документы, касающиеся меня»

— Почему вы так долго молчали?

— Родители поклялись друг другу хранить тайну. Время было страшным, не забывайте.

— И все же на столе у Маяковского вплоть до самой смерти стояла фотография маленькой девочки в

тельств смешна. Но предположения, конечно, есть. Никогда не поверю, что отец мог застрелиться из-за женщины, «любимая лодка» — это ерунда. Из-за крушения идеалов, душевного разлада — мог. Близкий друг отца Давид Бурлюк писал, что «нашлись люди, всучившие поэту пистолет». Выходит, Маяковского подтолкнули к смерти.

— Это правда, что первым человеком, узнавшим о том, что вы — дочь Маяковского, оказался поэт Евгений Евтушенко?

— Правда. Я подошла к нему на выставке фоторабот Родченко в Америке в 1989-м и представилась: «Дочь Маяковского!» Он вскинулся: и где доказательства? Тогда я встала во весь свой огромный рост, слегка нахмурилась — а когда я хмурюсь, переносицу разрезает глубокая вер-

к России, несмотря на предрассудки, существующие в Америке, а теперь тем более никому не позволю говорить о России плохо. Я — русская американка.

«Не буду бороться за русское наследство»

— Слышала, один московский режиссер уже предложил вам поставить спектакль по «Маяковскому на Манхеттене»?

— Верно. Хотя переговоры только начались. По словам этого режиссера, сюжет моей книги «цепляет».

— А вы тем временем пишете другую — и вновь про Маяковского?

— Рабочее название «Фантомный отец». Надеюсь, через год закончу. А совсем недавно, к приезду в Россию, написала большую поэму «Я здесь!»... Когда-то в юности я писала стихи, но потом сама себе запретила.

— Плохие получались?

— Может, и неплохие. Однако сравнения с отцовскими не выдерживали.

— В первый свой приезд вы привезли в Россию горсть праха матери и закопали его рядом с могилой Маяковского на Новодевичьем кладбище. Выполнили волю Элли Джонс?

— Нет, это было мое собственное решение. Сделала то, что хотела: восстановила справедливость в отношении своей матери. Там, на кладбище, я выплакала столько слез, что ис-

уезжал из Америки, он купил себе самый дешевый билет на самый плохой пароход, потому что все деньги потратил на незабудки — он усыпал ими кровать матери.

— Ваше появление на российской арене в 1990 году было подобно разрыву бомбы, поскольку до тех пор мало кто знал об американской возлюбленной Маяковского, да еще о дочери. Ваша матушка Элли Джонс — не коренная американка, она ведь урожденная Елизавета Петровна Зиберт...

— Все верно. Мама родилась в Башкирии, в городке Давлеканово, в семье крупного землевладельца Петра Зиберта. В 19 стала женой англичанина Джорджа Джонса, потом с ним уехала в Америку в 1923 году и никогда больше в Россию не возвращалась... Она всю жизнь преподавала русский язык, пропагандировала русскую литературу, собрала богатую библиотеку о Маяковском. Свободно владела английским, французским, немецким языками. Не могу не сказать: она была изумительно красивой женщиной — высокой, худощавой, с огромными голубыми глазами, копной пышных каштановых волос. Одно время даже работала моделью.

— Вы говорили, что раскрыли тайну своего рождения в первую очередь ради матери, а не из-за отца. Почему?

— Хочу, чтобы люди знали правду об Элли Джонс — женщине, любившей Маяковского до конца дней своих. Сколько не было написано и сказано про мою мать, сколько сплетено о «случайной сексуальной связи»! Да, на момент встречи с Маяковским, которая произошла на Манхеттене в 1925 году, мама еще была замужем, но фактически они с мужем уже не жили

Владимир Маяковский и Лила Брик в Ялте. 1926 год

большой панаме — ваше фото.

— Да, теперь, по свидетельствам друзей Маяковского, мы знаем, что карточка была. И также знаем, что через несколько дней после самоубийства отца Лила Брик, выйдя в его квартиру, ее уничтожила.

— А что это была за фотография, откуда она появилась у Маяковского?

— Отец видел меня единственный раз в жизни в 1928 году: мы с мамой отдыхали в Ницце, он специально приехал к нам — тогда и был сделан снимок, прямо на балконе отеля, у мамы он тоже остался.

— В своей книге вы пишете о новых версиях самоубийства Маяковского.

— Я солидный человек, профессор, преподаватель колледжа, и понимаю: любая версия без доказа-

тельная складка, точно такая же, как у Маяковского... Евтушенко руками замахал: «Верю, верю!» Но почему-то никому ничего об этом не рассказывал. Официальное признание состоялось через год, после моего приезда в Москву вместе с сыном Роджером. Кстати, он юрист по профессии и тоже исключительно похож на своего деда.

— И как вам в России — понравилось или не очень?

— Что значит «не очень»? Ведь я так долго ждала этой встречи! Я приняла вашу страну сразу, всем сердцем. Представляла ее себе именно такой, какой увидела — и Москву, и Давлеканово... Теперь зовут в Грузию, на родину отца, очень хочу поехать... Я всегда тепло относилась

купила ими не только вину отца перед собой, но, должно быть, и все остальные грехи.

— Вы так не хотели сходства с отцом, а все же не избежали его: речь вовсе не о внешности, я имею в виду литературу: вы — автор пятнадцати книг.

— Но это научная литература, частично — учебники. Я специализируюсь в области семейной психологии, преподаю в Леман-колледже в Нью-Йорке.

— Никогда не возникало желания отвоювать что-то из отцовского наследия?

— Даже в голову не приходило. Я никогда не делала и не буду делать денег на имени отца. У меня есть заработок — во-первых, и чувство собственного достоинства — во-вторых.

■ Рита Болотская.

Элли Джонс с дочерью в Ницце. 1928 год